

Дорогой коллектив редакции газеты «Ульяновская правда»!

Посылаю вам очередной свой очерк с надеждой на то, что вы его опубликуете на страницах вашей газеты. Предлагаю очерк читателям с верой в то, что мысли, заложенные в нем, сейчас чрезвычайно актуальны, хотя они оформились в моей голове еще в 1989 году. Год 1989-й - предтеча великой пагубы для нашего Отечества, год реванша сил мирового зла. Именно в том роковом году в нашем Державном Органе появились первые смертельные метастазы той раковой опухоли, которая в будущем вызовет апокалиптические потрясения, череда коих ныне продолжает неумолимо нарастать.

Великие социально-экономические и нравственные катаклизмы в нашей Державе, СССР (России), с болью в душе тогда ожидали многие из нас. Мы уже в то время видели появление их крепких ростков, благодушно наблюдали за ростом этих гигантских поганок, и мало, очень мало кто из нас встал на праведную Дорогу борьбы со злом, с его омерзительными манипуляциями. Коллективный русский Иван предложил борьбу со злом сам. Иван бесечно спал. Абсолютное большинство населения доверилось коварно-лживому сонмищу «политических» негодяев-проходимцев. Русские люди, к сожалению, заняли омерзительную выжидательную позу премудрых нескарей, что во всем мире даже у недоброжелателей наших вызвало не просто недоумение, а безразличие. Вот мы и дождалась... Дождались в России невиданной ранее общественной конвульсии, дождалась массового психоза, дождалась смертельной апатии, дождалась межнациональных кровавых разборок, дождалась декаданса культуры, дождалась тотального убийства с помощью ползучей наркомании и эпидемии алкоголизма и разрата человеческой личности, дождалась погрома русского языка и фальшивой подмены его «языковыми» суррогатами.

Сегодня самое страшное, самое ужасное то, что обвалюю збиет русская деревня с ее величайшими многочисленными традициями, с ее колоссальным генетическим запасом. Сатанистские силы с помощью гигантской «информационной» машины из сознания людей России почти вытравили их веру в будущее.

В Российской Державе идет, как морской вал,

нарастая, губительный для ее национального Здоровья лютный, зловонный процесс междоусобиц, межнациональных противостояний, процесс постоянного нарушения в нашем Отечестве Мира. Всем нам - русским, татарам, украинцам, чеченцам, евреям и другим народам Великой Страны - сейчас необходимо прислушаться к мудрым Словам Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна о том, что «мир - основа основ человеческого бытия и здоровой жизни общества, непреложное условие нравственного совершенствования каждого человека в отдельности и народа в целом. Паличие внутреннего мира в обществе и государстве - непреложное условие их здоровья, естественного развития... Мир - дитя Любви, Любовь же сокрушает все ухищрения вражи, возвращает человеку утерянное богоподобие, вводит в рай... Ныне, горькие плоды приносит разделение... Сия пагубная болезнь уничтожает соборное единство народа, его единодушие и единоравие, открывает дверь общественным слухам и церковным ересям, вносит в сердца людей яд и сомнения, сеет ненависть и вражду...». Давайте, мои дорогие собеседники, подумаем над этим!..

Мы, люди русские, обязаны помнить трагические последствия распри в России еще XIII века. М.Хитров в книге «Святый благоверный великий князь Александр Ярославич Невский» напоминает нам: «Взаимные несогласия и распри русских людей побудили их некогда призвать князя из-за моря владеть и княжить на Руси. По княжеский род размушжился, и кровавые распри начались между самими князьями-родственниками. Русь стала обширным воинским станом. Бурные страсти молодого народа разыгрывались на просторе, и сильный мог безнаказанно угнетать слабого.

От усобиц княжих - гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отослodu вороги лухие!

С глубоким уважением к вам Николай Васильевич Нарышкин (Махотин), больше жизни любящий свою неделимую Святую Русь, все ее многогосударственные народы и неколебимо верящий в Величайшее Будущее России, в ее Доброе космическое предназначение.

звали «позтом». «Поэты» у кадывшевских мужиков и баб не особенно почитались тогда, им больше по нраву были те, кто пахать, сеять и валенки валать умел.

Иван Фомич писал стихи на бытовые темы, но с лирическими прожилками. Стихи его у кадывшан вызвали невероятную иронию. Когда он, картавя, жуя со вкусом, читал где-нибудь на бугре, стол на зеленой лужайке, свои стихи большущей толпе парней и девчат, заранее настроенных на потеху, толпа корчилась от гомерического хохота.

Только, наверное, поэтом Иван Фомич, написав очередное «стихотворение» и кое-кому (и мне, конечно) почитав и, не получив одобрения (кроме, как от меня), уничтожал. Сколько же было моим другом Иваном Фомичем написано всякой «стихотворной» всячины!..

Странный был человек мой друг Иван Фомич: кормился, чем придется, одевался в какое-то тряпье... Даже бани - этого необходимого атрибута крестьянской семьи - у них с отцом не было. Мысль о том - у кого доведется и когда придется. Брюки у обоих лопались от прошивавшей их многолетней грязи. Странные они - отец и сын - были люди: насколько талантливы, настолько и безразличны ко всей окружающей их суете.

Я думаю, что такие вот люди, как Иван Фомич со своим отцом, - одна из наиболее таинственных загадок русского человека, живущего не для себя, не предъявляющего к материальной жизни никаких претензий, безразлично относящегося к несуетной вселенной суете, незаметно, без всякой показухи делающего обыкновенное земное дело.

Русский человек - ведь внешне только благообразен, как бы излишне простоват. Внутри же у него содержится огромной силы сгусток

купатели у «братьев» твоих найдутся. Хотя целиком, Ваня, Россию кушить тяжело, полно денег нужно, продадут ее по частям... Нравственность России, например, почти уж «братья» твои, Иван, распродали, теперь ждут-не дождутся «солидных» покупателей на ее экономику. Наверное, «покупатели» деньги поднакапливают да хитрые спекулятивные, разрушительно-оглушительные планы придумывают. Глядишь, Ваня, и национальный суверенитет начнут «братья» с молотка распродавать!..

Вот ведь какие дела. Иванушка, ионче в мире творятся!.. А ты, как я погляжу на тебя, лишь сладостно во сне посапываешь, как будто духовных наркотиков излишне накушался. Раньше то, Ваня, у тебя тяга была лишь к винцу «братья» твоим выгодно было тебе «подносить» кружку-другую, а теперь они набаловали тебя кушать таблетки сладострастные и всяческие «денежно-перспективные» речи день и ночь слушать... Пакушаешься и наслушаешься ты, Ваня, всякого дерьма и спишь себе, а «братья» -мошенники в это время делишки спешно «оформляют», проявляя при этом прямо-таки лисью хватку. Вот такие, Ваня, наши с тобой дела!..

Сейчас, Иванушка, всюду только и слышишь: одни от тебя отделились, другие от тебя отделились... Выкормил ты, Иван, по своей простоте и доброте множество разновозрастных братьев, а они теперь, повзрослев, тебя и знать не желают. В пылу своей кичливости, распаренной в кипящем котле эмоций и националистических страстей, «братья» тебя, Иванушка, даже и признавать не хотят, а уж уважать тебя или относиться к тебе с почтением они и вовсе не помышляют. Ты для «братьев», Иван, вдруг, в одночасье оказался вроде красной тряпки, дразнищей их и возбуждающей в них бурные страсти до сих пор не известно какого-то неудовольствия. «Братья» твои, Иванушка, все норовят понасть в побатымы к разным там дядям самям. Совсем у них вскружилась голова!.. Напрочь забыли они о том, как ты их на ноги ставил, сам недосягаем и недодея. Говорили тебе, Иван, люди добрые: не перекормливай братьев, не балуй их: шалопаемы вырастут. Так оно и вышло... Забыли, забыли братья твою, Ваня, доброту!.. Забыли они о том, что ты их, братишек своих, добротой обуял и одевал, а сам без штанов ходил. Забыли они, Ваня, и то, что ты их досыта кормил, а сам, работая, как лошадь лошадей, оставался полуголодным. Сколько забот ты, Иванушка, преркал на своих плечах! Как ведь ты, Иван, работал: на себе, впрягаясь вместо лошади в плуг, пахал, на горбу своем, Иванушка, дрова из лесу таскал вручную, лопатой каналы всякие копал и реки великие запружал. А сколько сил своих ты, мой Иван, истратил на днепрогэсы с магнитками?! А чего тебе стоили запуски в космос разных «Буранов»? Уйма силушки твоей, Ванюша, ушло и на прокормление нефтью, газом и прочей энергетической пищей индустриальной Европы и стремящейся к широченной механизации Азии. А сколько, Иван, ты материального и духовного угрожал на пелину! Кое-кто из «братьев» твоих, Ваня, забыл и о том, как ты спас плодородные поля человечества от фашистской прожорливой саранчи.

Теперь, Иванушка, все соседи над тобой лишь посмеиваются, одна лишь госпожа Тэтчер -благороднейшая, Ваня, эта дама! - тебе за нынешнюю твою вислоухость, беспечность и совливость благодарна. Она, Ванюшка, даже японцам тебя за это как-то хвалила. А «богатые» и «именитые» твои соседи, Ваня, никак не нахвалят тебя за воспитание таких «умных» прохиндеев-«братьев».

Давай, Иванушка, просыпайся! Пора уж и делом заняться, а то и впрямь тебя все по-настоящему, вполне серьезно будут дураком считать. Давно пора, Иван, все сказки про тебя сделать былью!

Николай НАРЫШКИН (МАХОТИН).
Присурское Кадывшево - Казань.
Очерк написан в сентябре 1989 года в виде записки в дневнике «Мысли о жизни».

ИВАНУШКА, ПРОСНИСЬ!

Притча

Истина нахальна и бесстыдна: ходит как мать на свет родила; в наше время как-то срамно с нею и браться. Правда - собака цепная; ей только в конуре лежать, а спусти так уцепится, хоть за кого! Быль - кляча норовистая; это - краж мужик... Притча - дело любезное! Она неряхую не ходит, разинею не прикидывается, не пристаёт как с ножом к горлу; она в праздник выйдет, снарядившись, за ворота, садет от безделья на завалянку - кланется прохожему всякому смело и приветливо: кто охот и горазд - узнавай окружника: кому не до него - проходи, как мимо кружки, будто не видишь, что люди по пляску кидают! Вольно му воля, а спасенному рай; а чужая совет - могила; за каждой мухой не угоняешься с обухом, и мой окружник за тобою не погонится!

Владимир Иванович Даль.
«Сказки о похождениях черта-слушника...»

Помню, в детстве я познакомился с одним чудачком, звали которого Иваном Фомичом. Односельчане почему-то считали его почти дураком, даже тициным, а у меня он, этот чудак, вызывал необыкновенное уважение, переходящее в поклонение перед ним.

Покорял Иван Фомич меня прежде всего тем, что запоем, как и я, читал книжки, читал он все подряд, без разбора. Между нами на этот счет устроилось даже своеобразное состязание. Соревновались мы, кто скорее прочтает роман, скажем, такой фундаментальный и объемный, как «Война и мир» Льва Толстого.

В Кадывшевской сельской библиотеке нами было все прочитано, включая и политическую литературу, в том числе и сочинения Маркса, Ленина, Сталина, Мао Цзедуня. Читали мы все подряд, без всякого разбора, читали мы с каким-то до сих пор мне не понятным остервенением.

Иван Фомич был старше меня лет на десять: в то время ему было где-то двадцать два, а мне - лет двенадцать. Но, несмотря на такую разницу в годах, мы были друзьями: он ко мне домой ходил, а я к нему - в избушку, где он жил со старым отцом - изумительным столаром. Стояла та избушка не на улице, как все кадывшеские дома, а посреди огорода, в окружении тыквенных и огуречных грядок, в пропахшем картофельной ботвой воздухе, в котором летними днями непрерыв-

но сновали рой птиц, букашек, бабочек и прочей божьей твари. Избушка ростом была с обыкновенную деревенскую баню. Выглядела она как древняя старуха, пережившая за своею веку уйму человеческих трагедий и комедий. Одевалась та изба невзрачно, почти что неряшливо: в колпак из выдвинутой выдвинутой, прочернейшей от времени и саж, давно превратившейся в труху соломы и в рубище из никому не понятного материала...

Вид той избушки был колдовской, как бы явившейся из древней седой Руси. И каждый раз, когда я через огород по тропке, ухоженной полорожниками, одуванчиками, васильками, ромашками, пыреем, подходил к сказочной избушке, мне чудилось, что в ней, около нее и над ней вот-вот начнут развиваться те самые события, которые ворохами ввалились в мое детское сознание из многочисленных прочитанных мною и рассказанных мне бабушкой Анисьей Архиповной русских сказок.

Удивительная была та избушка, как и удивительны были ее обитатели. В избушке у них ничего не было, кроме стружек, опилок, старого, искореженного, покрытого ржавчиной ведра с родниковой водой, огромного, наоминующего котел чугуна, в котором варили они пустые щи или рассыпчатую картошку. Был в той избушке и незамысловатый столарный струмент, которым мастер творил чудеса. Году в пятидесятом он сделал нам добротные стулья: они до сих пор живы, стоят у меня на даче, людям служат. За работу свою мастер брал ровно столько, сколько нужно было ему на чекучку водки. Это была его дневная норма.

Иван Фомич нигде не работал, по хозяйству ничего не делал, но зато почти сутками напролет читал, читал, как я уже сказал, запоем. Читал он в основном на «пожарке», которой называлась старая развалюха-изба, почти вросшая в землю. Около избы стояла старая кляча, впряженная в телегу, с распатанными колесами и с огромной бочкой, наполненной давно протухшей водой. «Пожарка» в любое время была переполнена кадывшевским народом, особенно

теми, кому от безделья слоняться по селу надоело, а питаться жаргонной «духовной пищей» хотелось. Той пиши в виде частушек, начиненных пересоленными словами прибауток, рассказов о невероятных приключениях кадывшевских валяльщиков, баек об удачах похождениях парней в ночных огородах, новостовании об оборотнях, лепших, домовых, о колдунах, о Васе Болянем - кадывшевском двойнике Гришки Распутина, о гипнотических «подвигах» Сальника на «пожарке» было изобилие. Прихожанам той «пожарки» были все местные чудачки, весельчаки, охальники, богоухальники и непробудные пьяницы.

Заходили на «пожарку» мужики и бабы, ребятишек полно в нее вливалось, особенно, когда на улице уж больно студено было. Забегали люди: кто наскоро душу отвести, так сказать, экспромтом выговориться, а кто - надолго, не спеша, в свое великое удовольствие, покурить, раснить четверть, а то и ведро ржавой, по действию напоминающей электролит самогонки, а то даже - и полубарды.

На «пожарке», как говорили степенные люди, круглосучочно стоял настоящий содом. Иван Фомич на всю эту кутерьму не обращал никакого внимания: читал себе и читал, читал все, что под руку попадется; на него никто не обращал никакого внимания, как и ему, все были - безразличны. Каждая половина «пожарки» делала свое дело: одни - пили бражку из самогонку, другой - запоем, с неистребимой жадностью читал.

Иван Фомич обладал феноменальной памятью: все прочитанное он мог пересказать наизусть, помня сотни разных замысловатых понятий, иностранных слов; китайских, английских, индийских и индийских имен и фамилий, на что вся «пожарка» реагировала одним возгласом: «Вот это да!» То был, конечно, голос одобрения Ивана Фомичовых трудов. Хотя одобряющие и не понимали смысла тех трудов, а про надобность дел трудившегося Ивана Фомича они и вовсе не ведали. Как я тогда понимал, от «пожаркинского клуба» исходило на чтеца добродушие, что вполне Ивана Фомича устраивало.

Многие в селе Ивана Фомича

энергии, способной приводить в движение, если в этом вдруг возникает надобность, колоссальные общественные организмы.

Русский человек вовсе не прост!.. Прост и как бы невзрачен он только снаружи. Ох, как ошибаются - и уж не раз ошибались в истории! - те, кто видит в русском человеке лишь Иванушку-дурачка! Он, Иванушка-дурачок, и в сказках-то делал всяческие чудные дела. Однако, чтобы дождаться от Иванушки дел великих, терпение великое нужно: он, Иванушка, уж слишком бывает неповоротливый, неуклюжий какой-то, даже вяловатый. Вот поэтому-то он часто оказывался и оказывается в дурачках. Правда, потом он обязательно выходит из своего дурацкого положения, но это потом у него все бывает, а в начале Иван прозябает, от беспечности позеывает и всюю куролесит...

И сколько бы его, Иванушку, ни стыдили за его беспечность, безразличие ко всем и ко всему, он так от такого поветрия никак до сих пор и не может избавиться. Вот и в нынешнее смутное, сумасшедшее время Иванушка, как еще никогда прежде, встал в драматическую меланхолию, в состояние медвежьей спячки. Вся его гигантская энергия удерживается где-то далеко, в глубинах бездонной Иванушкиной души...

Спит себе наш Иванушка... Вокруг него буйствует штормовая социальная стихия, а он, Иванушка, пребывает во сне... Проснись, Иванушка! Пора, давно пора просыпаться! Посмотри-ка, Иван, какая на небосводе зря! Социальный воздух пронитан тревогой, даже сверх всякой меры. Только ты, Ваня, пока еще не в тревоге. Только твое, Иванушка, сознание еще спит...

Твои «умные» братья, Иван, изо всех сил стараются как можно скорее обделать свои «дела»: капиталец накопить, добром всяческим обзавестись, в «деловые» люди выйти...

Поглядывает себе Иванушка спросонья на «делишки» «братьев» своих да и пускается в несчаемую дремоту. Как бы не проспаться Россию, Иванушка! Пока спишь, продадут Россию нашу в заморские страны. Там люди все - «деловые», богатые, так что по-